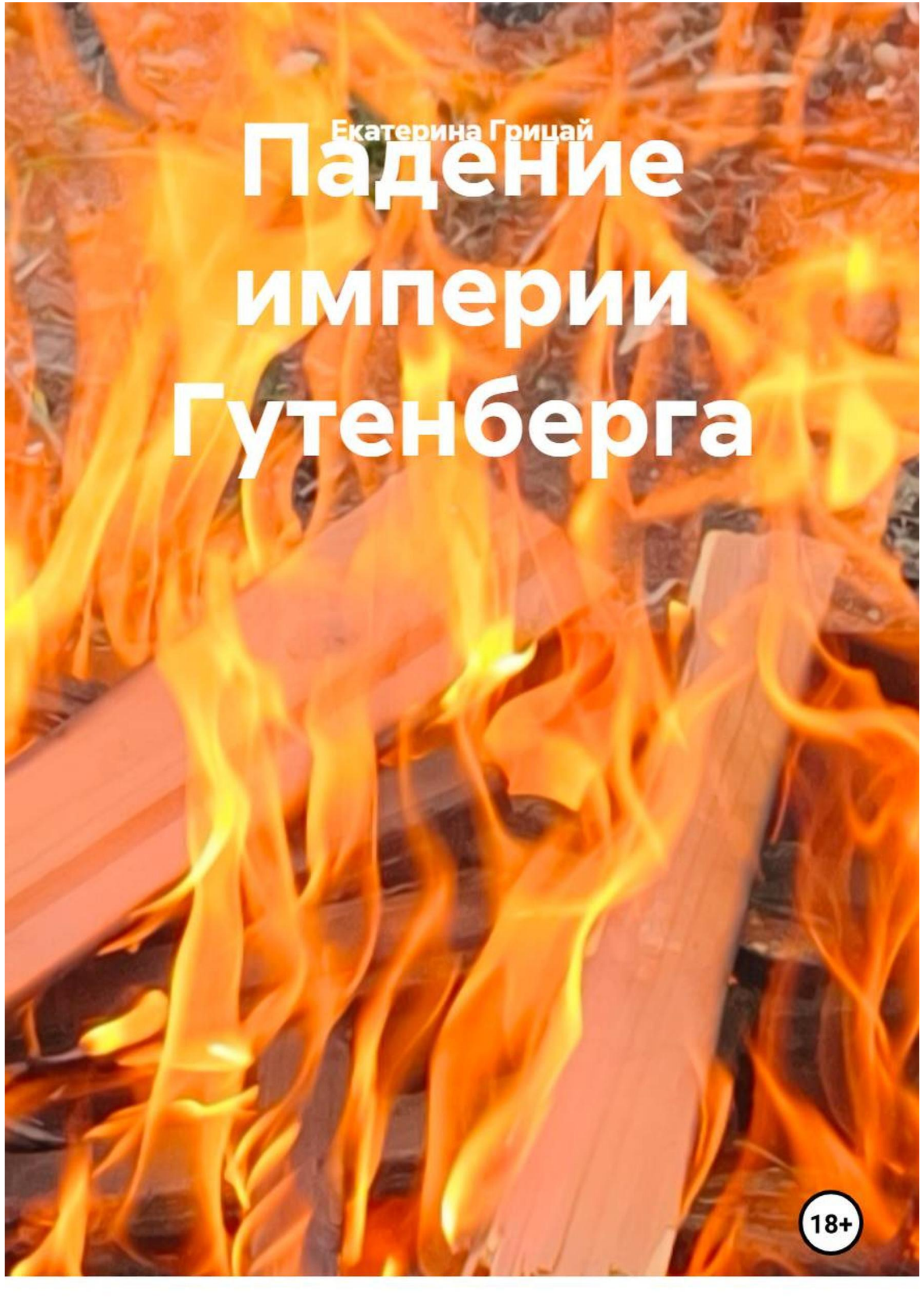

Екатерина Грицай

Падение империи Гутенберга

18+

Екатерина Грицай

Падение империи Гутенберга

«Автор»

2026

Грицай Е.

Падение империи Гутенберга / Е. Грицай — «Автор», 2026

Книжный магазин "Империя Гутенберга" - визитная карточка города, слава и гордость книготорговцев, это символ знаний, силы разума, победы человечества над дикостью. Или нет? В книгах можно написать всё, что угодно. Кулинарный рецепт. Рецепт любовного напитка. Рецепт катастрофы. Почему людей всегда привлекают катастрофы? Даже если они происходят с ними самими. Катастрофа -конец старого, начало нового. Или уничтожение нового, чтобы спасти старое? В этом магазине появляется и такая книга. С ее помощью можно уничтожить то, что есть, или то, что называют будущим. Если обрёл способность увидеть, что будет, то захочется ли изменить грядущее?

© Грицай Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Грицай

Падение империи Гутенберга

Глава

Падение Империи Гутенберга

*Уж коли зло пресечь,
собрать все книги бы да сжечь.*

А.С. Грибоедов «Горе от ума»

Удушающе жаркая августовская ночь нависла над городом. Он был полон жизни и не спал. Большие города не засыпают просто потому, что солнце закатилось за горизонт. На ярко освещенных улицах шумели автомобили и прохожие. Из ресторанов и клубов слышались людские голоса и музыка.

Внезапно все смолкло. Умерло в одно мгновение. Как будто некая точка в пространстве за долю секунды всосала в себя все звуки вокруг. Никто не успел осознать это изменение, а звуки уже вернулись обратно. Вернулись все разом, грохотом чудовищного взрыва, потрясшего всю округу. Эхо от него еще не стихло, а на одной из центральных улиц гигантским факелом пылал большой особняк. Выглядело это, как прямое попадание авиабомбы. Кое-кто тогда так и подумал. Оказавшиеся поблизости люди замерли, уставившись на столб дыма и огня, взвившийся над взорванным домом. Перед ними в оранжевом пламени чернел четкий силуэт «Империи Гутенберга» - самого крупного книжного магазина города. Его высокие стрельчатые окна-витражи сияли самыми невообразимыми цветами, оплавляясь и осыпаясь от жара – по какому-то капризу судьбы их не вышибло взрывной волной. Собравшиеся вокруг стояли, как изваяния, будто околдованные. Между ними металась женщина в вечернем платье и что-то кричала. Никто не обращал на нее внимания. Тогда она повернулась к пожару и кинулась прямо в пламя, туда где горели остатки исковерканных взрывом входных дверей... Но адский жар просто отшвырнул ее от здания, не дав приблизиться на опасное расстояние. Женщина упала, задев одного из стоявших рядом людей. Мужчина как будто очнулся и медленно повернул к ней лишенное выражения лицо. Потом, пытаясь перекрыть рев огня, заорал:

-Вам помочь?

Она стала ему отвечать, но из-за шума он сначала ничего не разобрал.

-Они там! Внутри! – наконец, стало слышно хоть что-то, - Я только на минуту покурить вышла! – она бросилась на асфальт лицом вниз и зарыдала.

Мужчина какое-то время просто стоял, не зная, как реагировать – ему казалось, что прошел час, хотя на самом деле меньше минуты.

-Там что, люди были?.. – прошептал он, наконец, себе под нос. Потом мигнул, потер лицо рукой, как после долгого сна, и вдруг, дико оглядевшись, заорал:

-«Империю Гутенбега» спалили!

Его выкрик положил конец мертвому безмолвию присутствующих.

Людей как будто ударили. Засуетившись, они стали звонить пожарным и знакомым. Засветились экраны мобильных телефонов – очевидцы лихорадочно занялись съемкой редкого зрелища.

Пламя стремительно разрасталось. Не прошло и пяти минут с момента взрыва, а от горящего магазина уже все разбежались, гонимые накатывавшими волнами невыносимого жара. Вдалеке взвыли sireны пожарных машин...

Той ночью магазин «Империя Гутенберга» сгорел до тла. Но, как оказалось, не только он один. Ночью там никого не должно было быть, но, тем не менее, спасатели из-под завалов извлекли останки более сорока погибших. В воздухе висел один вопрос: что случилось?

Пока магазин еще горел, многие считали, что это просто какой-то дикий несчастный случай. Но уже под утро стало абсолютно точно известно, что «Империя Гутенберга» вместе со всеми людьми внутри была взорвана намеренно.

Разобраться в происшедшем пытались все, кому не лень. В то время, пока эксперты и следователи копались на пепелище, всевозможные ясновидцы, колдуны и ведьмы доказывали, что им приходили видения и являлись таинственные знаки, разгадав которые, трагедию можно было предотвратить. На их счастье, к ним особо не прислушивались. Большинство считало их в лучшем случае обладателями слишком буйного воображения.

Но был человек, который, в самом деле, имел представление о том, что должно было произойти. По некоторым причинам он не смог никого об этом предупредить. Знание это так и осталось тайной, пока не стало слишком поздно.

А ведь начиналось то адское лето совсем не в огне и дыму. Ими оно закончилось. А вот июнь был крайне дождливый и холодный. Дожди шли практически круглосуточно, и к концу первого летнего месяца синоптики авторитетно заявляли, что он был самым дождливым холодным за всю историю метеонаблюдений. Но факт рекорда мало радовал мокрых и озлявших жителей города. Они злились. Злились от бесконечных потоков воды, капанья, журчания и огромных луж.

Все началось именно тогда. В один из самых беспросветных, самых дождливых дней...

...На улице Обвалова, одной из центральных улиц города, мокрой и серой от дождя, толкаемый спешащими мрачными прохожими, стоял мужчина. Он провел уже немало времени под навесом какого-то маленького ресторанчика, не обращая внимания ни на мелькавших мимо людей, ни на их раздраженное бормотание, когда они пытались на скорости обойти его. Неровно подстриженные темные волосы человека уже давным-давно вымокли, мятая футболка и линялые джинсы – тоже. А он все стоял у ресторана и, не мигая, смотрел через улицу на здание напротив. Иногда человек вздрагивал, когда капли дождя добирались до него под узким тентом, но ни разу не отвел взгляда от здания книжного магазина, находившегося через дорогу. На него, так или иначе, обращали внимание абсолютно все, кто проходил мимо. Этот дом сложно было не заметить.

Высокие окна, угольно черные стены, огромные двери, тяжеловесная лепнина – все это делало «Империю Гутенберга» самым значительным и знаменитым зданием в городе, можно сказать, его визитной карточкой. Его изображение с удовольствием печатали на кружках, майках, магнитах, тетрадах, пакетах, которые потом скупали многочисленные туристы, приезжавшие в город часто только для того, чтобы взглянуть на этот магазин.

Если бы погода была хорошей, то человек, стоявший напротив магазина, делил бы место с многочисленными фотографами и художниками, стремившимися запечатлеть образ этого примечательного особняка.

Конечно, больше всего в облике здания людей восхищали его огромные витражи, украшавшие весь первый этаж. Высотой они были в два человеческих роста каждый. В темное время суток они освещались изнутри мощными лампами, от чего казалось, что эти картины из разноцветных кусков стекла светятся сами по себе. Их было шесть: по три с каждой стороны от единственных входных дверей.

На двух верхних этажах окна были уже самые обычные, забранные толстыми крепкими решетками. Но и наверху было на что посмотреть. Под самой крышей шел карниз, как будто поддерживаемый странными на вид существами, расположившимися под ним на равном расстоянии друг от друга. Их часто сравнивали с химерами с известного собора во Франции, и, в принципе, сходство было. Но эти монстры казались даже еще более древними, чем статуи собора средневековой постройки. Они были больше похожи на языческих идолов древности. В отличие от нижних этажей, которые ремонтировали чуть ли не каждые пять лет, опасаясь за витражи, маленькие чудища, вцепившиеся в карниз, сохранялись в своем первозданном виде уже лет пятьдесят. И никто ни разу не предлагал подновить их или подкрасить. Впечатление создавалось такое, что их стараются просто не замечать. Как будто обратить к ним взор – плохая примета. Если судить по выражению их странно человеческих морд, они были этому факту весьма недовольны и свирепо смотрели на проходящих внизу людей, как будто выбирали, на кого плюнуть.

В целом, если бы не вывеска, извещающая всех о том, что здание является книжным магазином, со стороны незнающий человек назвал бы его культовым сооружением, построенным некими малоизвестными религиозными фанатиками. Даже массивные ступени, ведущие к единственному входу внутрь, со стороны больше походили на подъем к месту жертвоприношения. Их было всего пять, но они были очень узкие – то ли из-за замысла архитектора, то ли из-за того, что тротуар в том месте был такой ширины, что в ряд могли пройти не больше трех человек, и широкие подходы к магазину строить было просто негде. Кроме узости ступени были еще и очень высокие – поневоле каждый, кто хотел войти в магазин, замедлял шаг перед тем, как начать подниматься, иначе с них можно было сорваться – это не раз случалось, особенно зимой. Со стороны казалось, что люди почтительно замирают перед тем, как войти в какой-нибудь собор.

Именно на монстрах остановил свой взгляд человек под навесом, и лицо его при этом постоянно менялось, выражая то неуверенность, то страх, то какую-то обреченную решимость.

В который раз за последние пять минут он посмотрел на уличные часы, висящие над его головой на столбе. Минутная стрелка долго стояла на одном месте, потом прыгнула на «12». Десять часов утра. Небольшая кучка людей, стоявшая у центрального входа в книжный, дернулась, сложила зонтики и всосалась внутрь – охрана открыла двери. Оторвавшись, наконец, от стены, мужчина втянул голову в плечи, сгорбился, тщетно пытаясь защититься таким образом от потоков дождя, перешел узкую дорогу, всю забитую машинами, и оказался у магазина. С заметной неуверенностью он встал у стены и запрокинул голову вверх, рассматривая огромные окна и часто моргая, так как вода стала тут же заливать глаза. Поблескивавшие витражи «Империи Гутенберга», казалось, околдовали его.

Огромные витражные окна, которые всех так восхищали, находились довольно высоко от земли – их узкие подоконники были на уровне головы взрослого мужчины, и любоваться ими лучше всего было с противоположной стороны улицы. Если остановиться там и посмотреть прямо на фасад магазина, то можно было заметить, что слева направо по витражам читалась история появления книги в этом мире. Сюда приводили огромное количество экскурсий, и экскурсоводы давно зазубренным текстом рассказывали историю развития написания букв и иероглифов с целью передачи информации через написанное.

На первом витраже были изображены древние египтяне с пирамидами и сфинксом на заднем плане. Древние люди что-то записывали на свитках, стоя на берегу реки, заросшей папирусом. Над ними, протянув длинные тонкие руки к свиткам, как будто парила в небе одна из египетских богинь: с головой львицы, над головой был круглый диск, похожий на солнце. Картина была похожа на древние изображения со стен египетских пирамид.

Второй витраж изображал средневековых монахов в феодальных декорациях, переписывавших толстые книги. Витраж был выполнен в стиле гобелена и производил бы более радостное впечатление, если бы не оранжевый с черным тона, в которых было выполнено все изображение.

Витраж слева от входной двери показывал первый книгопечатный станок – рядом стояли его бородатые создатели и просматривали только что отпечатанный лист будущей книги. Типографский станок, стоявший перед ними, напоминал силуэт, как будто вырезанный из черной бумаги. Над людьми среди повторяющихся снова и снова узоров, похожих на колеса, расправила крылья большая красная птица, а внизу картины, как транспарант на демонстрации, справа налево тянулась надпись «Друкарь книг невиданных».

Справа от двери первые комсомольцы показывали книги толпе крестьян на фоне пахущих землю тракторов. Сверху этой картины была большая красная звезда, только опиралась она не на два луча, как обычно изображалось во всех книгах, а на один, из-за чего вид у нее был довольно странный.

Предпоследний витраж был самым страшным. Он изображал большой костер, вокруг которого стояла толпа людей, державших руки в нацистском приветствии и кидавших книги в огонь. На заднем плане сквозь огонь хорошо просматривалась свастика. С этим витражом была связана череда скандалов, так как многие жители города считали, что она оскорбительна, и витраж необходимо снять. Или хотя бы замазать на нем оскорбляющий знак. Горожане заваливали жалобами местную управу и мэрию, но витраж пока никуда не делся, и никаких изменений на нем тоже заметно не было. Именно его чаще других витражей пытались разбить. Именно по нему стреляли из настоящего боевого оружия. Только он один привлекал к себе каждый день кучу туристов. А во всех буклетах, призывающих приезжих заглянуть в город, на всех сувенирах, фотография магазина была всегда с такого ракурса, чтобы было видно именно это изображение. Оно никого не оставляло равнодушным.

Последний, самый правый витраж показывал современность – несколько человек, окруженных всевозможными компьютерами, ноутбуками и другими современными устройствами, но в руках они все равно держали архаичные бумажные книги. Книжный магазин тем самым показывал, что книгу просто так не убьешь. Никаким способом. Из всех витражей этот был единственным, который создали совсем недавно – буквально несколько лет назад. Раньше окно закрывал стальной лист, что под ним – никто не знал. Экскурсоводы на все вопросы отвечали, что первоначальное изображение было разбито вандалами, а на то, чтобы его реставрировать, собираются деньги. Деньги собирались уже лет сорок. Все уже привыкли к тому, что стальной щит никуда не убирается и стал как будто частью здания. У него даже было предназначение: половина щита была отдана под рекламу, на второй половине администрация магазина обычно вывешивала объявления обо всех проводимых мероприятиях. Убрали его внезапно и за один день, обнажив уже готовый витраж с компьютерами.

Промокший человек разглядывал витражные окна довольно долго с таким выражением лица, как будто пытался что-то вспомнить. По цветным стеклам текли ручейки воды. Казалось, что изображенные на картинах люди плачут. Мужчина тряхнул головой, почесал небритый подбородок и решительно подошел к дверям. Тяжелые, дубовые, эти двери были вторым после ступеней препятствием для тех, кто хотел попасть в магазин. Мрачные, выкрашенные темной краской, они казались вратами в царство зла, а не в храм знаний. Сколько ругательств было произнесено здесь теми, которых этими дверьми прижимало при входе, и не сосчитать. За ними была стальная вертушка с тугим ходом, как будто с неохотой пропускавшая людей внутрь. Ее регулярно смазывали, она никогда не скрипела, но все равно проворачивалась еле-еле. Другая такая же вертушка была установлена рядом с первой и выпускала людей обратно на улицу с

еще большей неохотой. Мокрый человек, как и многие до него, не с первого раза справился с этими стражами магазина, приложив значительные усилия.

Холеный охранник в костюме и галстукe весьма неприязненно посмотрел на вошедшего, но промолчал, узнав его. Он тут часто бывал. Человек тряхнул головой, и в разные стороны полетели капли воды. Толстые губы охранника дрогнули, как будто он хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Внутри магазина было светло. Пахло новыми книгами, находившимися везде, и, казалось, наблюдавшими за теми, кто проходил мимо. На первом этаже было четыре зала, разделенных между собой тяжелыми дубовыми дверями. Они никогда не закрывались, всегда были распахнуты и обычно были прикрыты всевозможными рекламными плакатами. Каждый из четырех залов вмещал в себя несколько секций, где продавались книги самой разнообразной тематики.

Торговые помещения занимали два нижних этажа «Империи Гутенберга». Сверху был еще один этаж, где располагались бухгалтерия, отдел кадров и спец-хранилище для особо ценных антикварных экземпляров книг. Туда же допускались «особые» покупатели, требовавшие «особого» к себе отношения – у магазина были специалисты, способные на заказ достать практически любое издание. По слухам, распускаемым злопыхателями, правоохранительные органы давно уже хотели проверить это место. Были подозрения, что некоторые книги для того, чтоб быть проданными покупателям, просто воровались.

Оказавшись внутри, человек сразу взял курс на лестницу, ведущую на второй этаж, оставляя на полу за собой мокрые следы. Поднимаясь по широким ступеням, одной рукой он держался за стену, закрытую красивыми пластиковыми панелями, имитирующими каменную кладку в средневековом замке. Даже на лестнице были книги, они лежали и стояли на специальных тумбочках, лепившихся к каждой ступеньке.

Книги занимали и все стены: они стояли на огромных – до потолка – стальных стеллажах, намертво прикрученных к стенам, закрывавших все окна, в том числе и витражи первого этажа. На этих стеллажах стояла и лежала львиная доля всех продаваемых «Империей Гутенберга» изданий. . Из-за того, что изнутри не было видно даже кусочка улицы, посетители как будто теряли чувство времени и иногда часами бродили между полок, высматривая то, за чем пришли. Они брали то одну книгу, то другую, пролистывали несколько страниц, читали по строчке, откладывали книги в сторону и тут же переходили к следующим. Это было похоже на казино, где посетители так увлечены процессом, что совсем забывают об окружающем мире и о том, что в нем происходит.

Проходя мимо огромных стеллажей, заставленных книгами, человек не мог удержаться от того, чтобы не взглянуть на них.

Большие, как набитые канцелярские папки, маленькие, как спичечные коробки, толстые, тонкие, тяжелые, легкие, шероховатые, гладкие... Со сверкающими глянцевыми обложками, над которыми трудились лучшие художники-иллюстраторы, и без картинок на обложках вовсе, со страницами серыми, как дешевые газеты, и с мелованными и гладкими... Бестселлеры (всегда дорогие), ширпотреб (быстро разбираемый и неприязнительного издания), бульварное чтиво (в основном в мягких обложках, второй раз такие книги не перечитывали), серьезная литература – в тех секциях обычно пусто, альбомы по искусству, прекрасный отдел карт и путеводителей... «Империя Гутенберга» была не просто магазином с хорошим выбором. Он был лучшим книжным магазином в стране, прекрасным, как фантазия...

Поднявшись на второй этаж, мужчина сразу пошел в отдел фантастики и фэнтези. В десять утра там обычно уже сновали школьники-прогульщики, но было лето, каникулярное время, и секция пустовала, если не считать женщины-консультанта и молодого парня, державшего в руках две книги известного автора романов ужасов и, похоже, не знавшего, какую выбрать. Человек подошел к ним вплотную и стал слушать их разговор, делая вид, что рассматривает содержимое шкафа с научной фантастикой – в жизни своей он не мог прочитать ни одной такой книги, от количества технических деталей сразу хотелось спать.

-Если Вам понравились его рассказы, могу посоветовать вот это. Живо написано, - хорошо поставленным, но немного монотонным голосом говорила женщина-консультант, - то произведение, которое у вас в руках - совершенно другое. Очень медленное разворачивание действия, - судя по ее тону, разговор шел уже минут десять.

-Мне надоели рассказы. Хочу что-нибудь подлиннее, - парень решительно тряхнул длинными нечесаными волосами. Вместе с ними туда-сюда запрыгали свисавшие с шеи наушники.

-Тогда возьмите вот эту. Оторваться не могла, за несколько ночей прочитала.

-Вы советуете? Про что там?

-Про детей, которые побеждали чудовище.

-Страшно?

-Страшно интересно. Держит в напряжении.

-Тогда возьму ее.

Парень прошел в сторону лестницы, сжимая в руках довольно увесистую книгу, на обложке которой мужчина успел заметить маленькую девочку с открытым от ужаса ртом. От парня пахло энергетическим напитком и жареной курицей.

Подождав и убедившись, что больше пока никто не нуждается в помощи консультанта, человек подошел к женщине и осторожно тронул ее за плечо. Она обернулась.

-Макс? Что ты тут делаешь? – особой радости в ее голосе слышно не было.

Макс неуверенно улыбнулся и еще раз огляделся, будто боялся, что кто-то подкрадется, чтобы подслушать. Он чувствовал себя виноватым, показавшись здесь. Он просто компрометировал сестру своим появлением и, зная это, все равно пришел.

-Привет, Эмилия.

-Привет, привет. Что-то случилось?

Она хмурилась. Он к этому привык. Разница в возрасте между ними была в пять лет, причем Макс был старшим, но при взгляде на них обоих любой бы сказал, что старше Эмилия. В свои тридцать, обремененная двумя детьми, отсутствием денег на няню и двенадцатичасовым рабочим днем, она вполне выглядела на свой возраст. Лицо ее, несмотря на косметику, выдавало безмерную усталость от всего вокруг. Кроме того, соблюдая условия работы в магазине, Эмилия всегда была в таких вещах, какие принято называть «офисный стиль одежды», не позволяла себе ходить с неухоженными ногтями или непричесанной головой, за что ей можно было накинуть еще лет пять.

Макс был ее антиподом. Меньше ее чуть не на голову, для мужчины он был почти пигмеем. Угловатая фигура его, казалось, так и осталась в том времени, когда Максу было тринадцать, и он натыкался при ходьбе на мебель. Жидкая поросль на лице даже к сорока годам так и не превратилась хотя бы в надоедливую щетину, продолжая расти какими-то пучками, а джинсы и футболки, которым он никогда не изменял, сбивали ему еще несколько лет. В итоге он выглядел, как хлипкий инфантильный студент начальных курсов из тех, которых никогда не возьмут в армию. Такие там не нужны.

-Хотел у тебя кое-что спросить.

-Спросить? – Эмилия, казалось, не поверила ему, - Это важно? До вечера, пока с работы приду, подождать не мог? И с кем ты детей оставил, позволь спросить?!

-Важно. Опять забуду. Решил, пока помню, спросить сейчас. Мальчишки с тетей Таней. Она согласилась посидеть с ними, пока я отскочу.

Добросердечная тетя Таня, соседка из квартиры этажом ниже, всегда брала детей, с которыми некому было сидеть. Иногда у нее их было человек по десять, собранных со всего дома, пока родители занимались своими мнимыми или реально существующими делами. Когда-то давно она была воспитательницей в детском саду, и с тех пор чувствовала себя хорошо только тогда, когда вокруг были дети. Однако Эмилии всегда казалось страшно неудобным беспокоить ее, и она оставляла вариант с соседкой на крайний случай.

Макс опять улыбнулся, чувствуя себя дефективным. Со стороны так подумал бы каждый - мелькнуло у него в голове - разве что слюни изо рта не текут. Эмилия смотрела на него соответствующе. Наконец, выразительно глянув на свои дешевые наручные часы, она кивнула головой:

-Ладно. Говори, что у тебя там?

-Хорошо... - Макс внезапно разволновался под ее строгим взглядом. Все слова, придуманные им, по дороге, вылетели из головы. Он обозлился на себя, хотя знал, что если не успокоится, то забудет и оставшиеся.

-Хорошо. Не знаешь ли ты такой книжки... Мягкая обложка, но форматом побольше-pocketбука. Страниц четыреста, не меньше. На белом фоне стоит человек в таком костюме...

Он замолк.

-Ты за этим сюда пришел?! – Эмилия нахмурилась еще больше, и Макс понял, что она еле сдерживается от какого-нибудь грубого замечания.

-Да, - он заставил себя говорить спокойным, ровным голосом.

Эмилия тяжело вздохнула. Потом, видимо, решив, что самый простой способ избавиться от брата – это сказать ему то, что он хочет, спросила:

-В каком костюме?

-Ну... - он почувствовал, что потеет, как поросенок, как будто стоит у школьной доски, абсолютно ничего не выучив.

-Знаешь, как в средние века. Нет, попозже. Мужик как будто в колготках и в шортах таких толстых, а воротник у него круглый, как у Пьеро... Во! Знаешь фильм «Двенадцатая ночь»? Вот в таком костюме.

Эмилия нахмурилась.

-Не припомню такой книги. А хоть про что?

-Не помню. Помню только что-то про перья...

Внезапно Макс вытянулся, как солдат на параде, а взгляд его стал как будто стеклянным. Эмилия прикусила губу. Опять...

У Макса такое бывало. С самого своего раннего детства она видела, как брат... как будто подпадал под какой-то мгновенный гипноз. Это всегда происходило неожиданно, не поддавалось прогнозам и было одной из главных причин, почему он не мог удержаться ни на одной работе, даже почтальоном на почте. Хорошо еще, что обычно это долго не длилось.

Эмилия нервно огляделась. Главное, чтобы Макс не попал в поле зрения начальства. Ей повезло. Вокруг никого не было кроме одиноко стоящего у дальнего стеллажа старичка, углубившегося в одну из книг Брэдбери. Одной рукой он держал перед собой том, открытый примерно на середине, а другой опирался на палку. На них с Максом этот клиент не обращал ни малейшего внимания. Она осторожно взяла брата за плечо и провела его в угол, где между двух шкафов была небольшая ниша, и консультанты там обычно прятались от руководителей, если хотели немного передохнуть. Пока она тащила туда Макса, он что-то бормотал. Как обычно, ничего из этого Эмилия не разобрала, только в самом конце Макс несколько раз повторил: «Унесет ветром, как листья»....

Через несколько минут странное поведение Макса кончилось. Как обычно. Он ничего не помнил, выглядел крайне растерянным и виноватым. То есть больше обычного растерянным и больше обычного виноватым. Эмилия опять нервно осмотрелась. Старичок уже ушел, оставив незакрытую книгу на одной из полок. У служебного хода наметилось оживление. Похоже, со склада подвезли еще книги, значит, скоро она должна быть на рабочем месте во всеоружии. Она повернулась к брату и как можно более ласковым и спокойным голосом проговорила:

-Знаешь, не припомню я такой книжки. Может, она из новых? Давай я поспрашиваю на обеде у девчонок из других отделов. Может, книга у них засветилась?

-Да... - еле слышно прохрипел Макс, - если тебе не трудно, конечно.

-Совсем нет. А пока... Иди домой. Ты промок весь под дождем, смотри, простудишься.

Как и всегда, когда это происходило, она его одновременно и жалела и ненавидела. Из всех сил стараясь вести себя как обычно при этих его... провалах, Эмилия делала еще хуже, она чувствовала это.

-Долгова! – даже не оборачиваясь, она знала, кто это. Зам директора Сергей Сергеевич Бочкин, которого за глаза все подчиненные звали Затычка. Это был высокий, седой уже мужчина с козлиной бородкой и цепкими маленькими глазками. Надо сказать, кличку свою он вполне заслужил. Где бы ни появлялся Бочкин, он непременно вставлял в разговор, который его не касался, какую-нибудь никчемную ремарку, портя собой и своими замечаниями любую беседу и любое общество. Зная его крутой нрав по части обнаружения консультантов, слоняющихся по магазину без дела, Эмилия схватила с ближайшей полки первую попавшуюся книгу, сунула ее под нос Макс и, едва успев прочитать название на обложке, громким голосом проговорила:

-Возьмите вот эту. Как раз то, что вы ищете. Чисто мужское чтение, много натуралистичных сцен, никаких отвлеченных рассуждений.

Про себя Эмилия порадовалась, что именно эту книгу она читала. При чем целых два раза. Если Бочкин потом пристанет – а он иногда любил проверять так консультантов, - она сможет рассказать сюжет.

Макс растерянно взял толстую книгу в руки, но быстро сообразив, в чем дело, стал листать ее, как будто в самом деле знакомился с содержимым. Картинок в книге не было. Только на обложке был изображен лежащий на боку корабль, вмерзший в лед. Эмилия повернулась к Бочкину и, твердо глядя ему в глаза, спросила:

-Да, Сергей Сергеевич?

-Там книги пришли, - несколько разочарованно сказал он, переводя взгляд с нее на Макса и обратно. Тот продолжал листать книгу и даже не удостоил начальника своей сестры вниманием.

-Уже иду, - предупредительно бросив взгляд на брата, Эмилия протиснулась между Бочкиным и стеллажом и устремилась к служебному выходу, откуда уже показались грузчики, снововисто подтаскивавшие пластмассовые ящики, набитые новыми книгами и ставившими их один на другой.

-Девчонки! – заигрывающе бросил один из рабочих, - гляньте, чего мы притащили! Эмка! Глянь! Про вампи-и-иров! Смотри какие мальчишки-зайчики!

-Ой, ступай ты на свой склад, – осадил его Карачарова из отдела иностранной литературы, - что ты всем свою глупость показываешь?!

Парень в долгу не остался:

-А тебе, Надюша, я и еще чего-нибудь показать могу!

-Иди-иди.

Рабтник хохотнул и, умудрившись шепнуть что-то Карачаровой на ухо, скрылся за дверью служебного входа. Та с притворным смущением вдогонку велела ему убираться.

Приступая к выгрузке книг из ящика, Эмилия поняла, что боится. Боится так, что руки трясутся. И словоохотливый грузчик к этому отношения никакого не имел. Когда Макс так вот застывал и потом бормотал странные вещи, они потом... сбывались.

Обратно Макс снова пошел пешком, ежась от холодного не по сезону дождя и засунув руки в карманы так глубоко, как только мог. Можно было подъехать. Например, на автобусе. Но у него совсем не было денег. В карманах окоченевшие пальцы могли нащупать только фантики от жевательных конфет (их любили его племянники) и ключи от квартиры.

Мимо спешили люди. Макс всегда удивлялся скорости, с какой жители города перемещались по улицам. Они постоянно натывались на гостей города – те с такой скоростью не перемещались. А спроси любого из них, он скажет, что вовсе никуда не опаздывает и не спешит. Скажет и помчится дальше.

Отойдя от магазина метров на сто, Макс оглянулся, трясаясь. Любой, кто посмотрел бы на него сейчас, сказал бы, что Макс дрожит от холода. Если бы его самого спросили об этом, он бы сказал, что трясется от страха.

«Я паникую, - мрачно подумал Макс, всматриваясь сквозь пелену дождя в очертания фасада «Империи Гутенберга», - мне страшно. Мне невозможно страшно. От этого места несет скорой бедой...какой-то неизбежностью... катастрофой... сплошной трагедией... Почему я ничего не помню?...»

Внезапно его сильно толкнули.

-Куда прешь?! Глаза разуй! – странно высоким голосом крикнул ему размашисто прошагавший мимо здоровенный мужчина. На вытянутой руке он держал большой кожаный портфель, углом которого и ударил зазевавшегося Макса. Про себя тот подумал, что мужик имеет удивительное сходство с боровом, с черным кожаным портфелем, больно ударившим его. Пока Макс смотрел ему вслед, его толкнули еще пару раз. Рассердившись, он обратил, наконец, внимание на окружающих его людей и стал лавировать между ними с ловкостью, говорившей о большой практике и о том, что Макс – местный житель. Это было, наверное, единственное, чем он гордился. Что он – местный. Он причастен ко всему этому городу. Здесь он родился, здесь ходил в пять разных школ, с трудом доучившись до девятого класса, когда мать решила, что с учением пора завязывать, здесь жил вместе с сестрой и двумя племянниками. Здесь был его дом.

Макс шел по улице, наблюдая за обычной утренней сутолокой. Повторялось это ежедневно, кроме, пожалуй, воскресений, когда большая часть многочисленных офисов в этой части города была закрыта. Тут были всегда жесточайшие пробки – из-за старых узких улочек, заставленных машинами. Днем проехать куда-нибудь было равносильно подвигу даже летом, а уж зимой из-за снега езда по городу в этом районе и вовсе напоминала пытку. Медленную и изощренную. На тротуарах царила вечная суета, как и на проезжих частях: огромные толпы народа без конца сновали в клубах вечной пыли, скрипевшей на зубах, или в невозможно жирной черной грязи, если приходила зима и выпадал снег. Или в потоках воды как в это день. При этом жизнь здесь никогда не замирала, напоминая о себе постоянно. Ругань, драки, термоядерные взрывы музыки в ночных клубах, вопли сигнализаций на машинах в неурочное время... Макс шел по городу, и все это успокаивало его, настраивало на более мирный лад, обуздывало его панику.

Пройдя примерно полдороги, Макс стал думать, как поступить. Он чувствовал, что должен что-то сделать.

У него нечасто были такие состояния. Один-два раза в год. Не чаще. За исключением последнего месяца. И каждый раз он понимал, что именно все это означало, слишком поздно. Когда уже было совсем невозможно что-либо изменить. Если бы кто-нибудь слушал то, что он говорил тогда, и записывал бы... Но никого такого не было. Дети были маленькие, он и так

иногда подумывал, что стоило бы ограничить с ними контакты. А то вдруг это заразно. А перед Эмилией ему и так было стыдно. Она тянула одна всю семью. На ее месте любая другая давно бы выгнала такого бесполезного родственника, а Эмилия еще кормила его, одевала, никуда не гнала. Хотя если бы она стала его выгонять, он бы ушел. Без вопросов. Так, наверное, в самом деле, было бы лучше. Друзей у Макса не было, да и кто с таким дружить станет. И получалось, что никто не мог помочь ему разобраться с тем, что к нему... приходило. Оно приходило ненадолго, он знал это. Минут на десять, не больше. А после того, как все заканчивалось, он не мог вспомнить ничего. Только какие-то осколки, фрагменты. И таким неузнанным все и оставалось до тех пор, пока событие не происходило. Тогда этот набор, ворох каких-то информативных обрывков складывался в совершенно логичную картину. Естественно, слишком поздно. Макс буквально третировал себя, заставляя снова и снова вспоминать...

Вдруг его кто-то тронул за рукав.

-Мужчина. Вам плохо? – перед ним стояла дворничиха с метлой и совком. Чего она там метет в такой дождь... Он с таким удивлением смотрел на нее, как будто она только что прилетела на летающей тарелке. Неужели это снова случилось, и он опять отключился прямо посередине улицы? Второй раз за день...

-Простите.

-Может, скорую вызвать?

-Нет. Спасибо. Я тут близко живу.

-Идите присядьте на скамейку, - женщина махнула рукой в сторону автобусной остановки. Скамейка там была под навесом, автобус только что ушел, так что свободное место пока еще было. Макс послушался, прошел к скамейке и неожиданно тяжело опустился на нее. Остановка была без стенок, только с крышей, и ничуть не защищала от ветра, а тем более от холода. Зато теперь дождь попадал на него, только если под навес внезапно задувал ветер. Пока он сидел, к остановке подошло несколько человек. Несмотря на жесточайшую пробку, из-за непогоды пешком идти никто не хотел. Минут через пятнадцать подъехал автобус. Все загрузились в него, и Макс остался на остановке один, продолжая наблюдать за окружающими. У скамейки бродил голубь, подергивая маленькой головой в такт каждому своему шагу. Мимо пробежала девушка без зонтика, зябко кутаясь в кожаную курточку. Прошли двое молодых людей в спортивных костюмах, лузгавшие семечки и плевавшие шелуху прямо себе по ноги. У обочины, едва не окатив его водой из лужи, разлившейся у самого тротуара, остановилась машина. Отодвигая ноги от бурой волны, мигом залившей тротуар, Макс вяло задался вопросом, почему это самые большие и глубокие лужи располагаются исключительно рядом с остановками общественного транспорта. Из салона автомобиля доносились громкие звуки радио. Передавали новости.

-Переходим к местным новостям! – голос ведущего излучал оптимизм и бодрость, - на улице Пушкина из-за дождя подтопило подземный переход, в мусорном баке на юге города женщина нашла целый миллион мелкими купюрами, они были завернуты в пакет... - из машины вылез толстый мужчина с чемоданом и, с силой хлопнув дверью, пошел куда-то по улице. Автомобиль, взвизгнув тормозами, отвалил от остановки, опять подняв водяную волну.

Наблюдая, как дворничиха убирает мусор с заплыванного тротуара, Макс силился вспомнить... Обложка книги с человеком в старинном костюме... Черные листья, мечущиеся на невидимом ветру на оранжевом фоне... Большое старинное здание, зияющее пустыми окнами... Оно пустое сверху донизу, ни перекрытий, ни стекол в окнах, а вниз, ниже уровня земли, уходила пасть подвала... Солнце, в густом тумане почти невидимое...

К нему подбежала собака. Небольшой задорный песик с курчавой рыжей шерсткой, лопухий, весь мокрый. Он поднялся на задние лапы, встав передними на колени Макса, оставляя на них грязные следы. Обнюхав его, собака фыркнула. Сопли и слюни полетели прямо Максиму в лицо. Очнувшись от раздумий, он посмотрел на пса.

-Макс! Ко мне! – к остановке широким шагом подходил молодой парень в модных джинсах на низком поясе, цветастой майке и ветровке. От его окрика Макса передернуло. Собачку как будто сдуло – так быстро она рванулась с места, едва не порвав ему штаны когтями. Наблюдая, как песик радостно скачет и крутит хостом, дожидаясь, пока хозяин застегивал карабин поводка у него на ошейнике, Макс подумал, что сам похож на такую вот собаку. Макс, ко мне... Макс, сидеть... Макс, охраняй дом... И больше ничего и не требуют. С другой стороны, чего еще можно требовать от собаки?

Да. Собака. При чем бесполезная. Даже не комнатная, которая хотя бы радуется своим видом. И не овчарка, которая ловит преступников. И не лабрадор, помогающий плохо видящим. И не сенбернар, спасающий людей из-под снежной лавины... Макс вспомнил фильм, который смотрел в детстве. Про сенбернара Барри, спасшего в горах сорок человек. Он спас сорок человек, а сорок первый убил его... Эмилия тогда так плакала, что мать отругала Макса за то, что он позволил ей вообще смотреть это кино.

Но нет. Он даже не может претендовать на лавры собак. Он всего лишь камень на шее у младшей сестры, отпугивавший от нее своим видом нормальных мужчин.

Посидев на лавке еще минут десять и продрогнув окончательно, Макс заставил себя встать и двигаться к дому дальше. Идти в принципе было недалеко, всего три автобусные остановки, но сегодня ему казалось, что конца этому путешествию не будет. Похолодало, дождь пошел сильнее. Свернув во дворы – так было быстрее, – Макс побрел по раскисшим детским площадкам, пустым в такую погоду, по растрескавшемуся асфальту вдоль стареньких облупившихся пятиэтажек. Людей не было, только редкие собачники, ежась от холода, семенили за своими питомцами, перепрыгивая лужи. Макс уже не перепрыгивал. Кроссовки давно уже были мокрые насквозь и противно чавкали при каждом его шаге. Последнюю пару сотен метров он мог думать только о горячем чае и сухих носках. Перебежав в неподобающем месте последнюю дорогу, он тигриным прыжком перемахнул через лужу у своего подъезда и, не снижая темпа, буквально влетел в открытую дверь.

Замок на двери был сломан уже недели две. В подъезде было темно. Лампочки здесь били с удивительным постоянством. Сам Макс думал, что это не хулиганы вовсе, а психованная тетка с первого этажа. Ее, кажется, даже воры и грабители боялись. Двери в ее квартиру не было – она самолично года два назад, повинувшись каким-то только ей ведомым импульсам, сняла дверь с петель и оттащила на помойку. Делала она это удивительно энергично, ругаясь на весь подъезд и в три часа ночи. Теперь каждый желающий мог заглянуть в ее жилище, но таких тут не было. Насколько Макс знал, все родители в доме пугали ею своих отпрысков, и те боялись ее, как чумы. Во всяком случае, Коля и Веня всегда пробегали мимо квартиры этой чудной на очень большой скорости. В этот дождливый день, судя по шуму, доносящемуся из-за заскорузлой занавески, закрывавшей вход в ее квартиру, злобная карга осталась дома. Слишком разумный поступок для нее – подумалось Макс, – даже странно. Едва она услышала его шаги, как тут же разразилась таким потоком брани, что захотелось заткнуть уши. Несмотря на ругань, Макс не пошел сразу вверх, а сначала проверил почтовый ящик. Ничего. То ли в самом деле почты нет, то ли Эмилия по дороге на работу все забрала с собой. По лестнице Макс поднимался не спеша, раздумывая, стоит ли идти сразу домой или зайти за мальчишками к тете Тане. Добрая женщина наверняка накормит его и чаем напоит. И уютно у нее, не то что у них... Остановившись между третьим и четвертым этажом, он сел на ступеньку давно немойтой лестницы, чтобы отдышаться. Макс обычно всегда делал тут остановку. Даже в семнадцать он не мог за раз пройти вверх пять этажей. Мать ругалась на него за слабость и хилость, но Макс все равно не мог одолеть все пять этажей одним махом. Отдыхая, он, как обычно, рассматривал стены подъезда. Все сплошь разрисованные. Названия рок-групп, лидеры которых уже давно нянчили внуков, если только еще не спились; подростковые признания в любви, написанные теми людьми, которые, наверное, уже раза два женились и разводились; номера телефонов,

которые давно уже невозможно набрать с современных телефонов. Ремонт тут не делали лет сорок. Как и в их квартире. Иногда ему хотелось, пока Эмилия на работе, отодрать и вынести оттуда все, что возможно. Обстановка просто душила его. Едва входя в квартиру, он сразу вспоминал мать, постоянно пилившую его за то, что вместо сына у нее родилась неведомая зверушка... Но ремонт был просто мечтой. Макс вообще не зарабатывал, Эмилия получала ровно столько, чтобы они вчетвером ноги не протянули, а больше им денег неоткуда было брать.

Встав, он дошел до четвертого этажа и позвонил в дверь тети Тани. Дверь ему открыл Веня.

-Привет, Макс! Тетя Таня испекла пирог с лимоном! Мы как раз собираемся пить чай! Будешь чай? – племянник взял его холодную руку своими липкими от сладкого пальцами и потащил в кухню.

-Буду, - как и всегда, когда он приходил сюда, Макс сразу успокоился и даже заулыбался, когда к нему вышла раскрасневшаяся от жара плиты пухлая соседка и пригласила к столу.

Наблюдая за тем, как Макс мыл руки, а потом шел в кухню, оставляя мокрые следы на линолеуме, Татьяна Павловна Куропаткина, как всегда, очень его жалела. И за что мужику такое? Мало того, что сам, как глист, худой, похож на паука, так еще и с головой не очень... Максик был умным мальчиком. Татьяна Павловна помнила его, еще когда он в школу ходил. Очень начитанный, любознательный, пытливый. Но в школе сплошные проблемы. Сколько раз она, смотря в окно или сидя на скамейке у подъезда и разговаривая с подругами, наблюдала, как парень возвращался из школы. Весь битый так, что живого места нет, часто в порванной, грязной одежде. Еще в начальной школе ему выбили то ли три то ли четыре зуба – Татьяна Павловна помнила еще, как ругалась его мать, что надо идти к зубному. Тяжело ей было осилить еще и поход к стоматологу, даже работая на двух работах. Макс никогда не вылезал из двоек, писал, как курица лапой, и с ошибками, а уроки физкультуры для него были бесконечной пыткой. Тем не менее, он был одним из самых умных людей, которых она знала в своей жизни. И при этом с головой у него порой было совсем плохо. Сама Татьяна Павловна считала, что его вечно пьяный папаша побил как-то раз своего сына слишком сильно, от чего Макс был теперь иногда какой-то чудной.

Они собрались вокруг стола, и Татьяна Павловна стала разливать всем чай по чашкам и раскладывать по блюдецкам лимонный торт. Она любила печь сладкое. Проблема была только в том, что все рецепты у нее были на довольно большие порции, и одна она их съесть не могла. Еще поэтому Куропаткиной так нравилось, когда приходили гости.

Братья только сделали по паре глотков чая и съели по ложке торта, а Макс уже сидел перед пустой посудой, облизываясь и с надеждой поглядывая на кухонный стол, где под салфеткой лежало еще несколько кусков.

-Давай еще положу, Максик? – вот уж лишнего куса торта ей точно было не жалко.

-Да нет не надо, тетя Тань...

Он всегда отказывался. А она его не слушала, подкладывая добавку, так как видно было, что Макс на самом деле голоден. Эмилия не морила его голодом, но только когда сама готовила, а потом кормила всех. Если же Макс оставался один с детьми, он не ел ничего. Может быть, считал, что объедает их. Но теперь-то она его хотя бы покормит. Братья смеялись и паясничали за столом, пока Коля не перевернул чашку с чаем, расплескав его по всей скатерти. Татьяна Павловна услала их в комнату смотреть мультфильмы, а сама стала вытирать лужу. Макс все это время молча ел, а Куропаткина радовалась. Ей не нравилось одиночество. Хорошо, когда кто-то приходил.

Макс и Эмилия гостили у нее еще с тех пор, как сами были детьми. Их мать работала на двух работах все дни недели, иногда даже и по ночам, и двое детей иногда буквально жили у тети Тани по нескольку дней. Она к ним привыкла. С Эмилией проблем не было. Она играла в

куклы, рисовала или читала. А потом, когда пошла в школу, дисциплинировано делала уроки или гуляла во дворе с такими же дисциплинированными подружками.

А вот ее брат был гораздо более непоседливым. Во-первых, он постоянно задавал вопросы. Не то, чтобы Татьяну Павловну это раздражало, но на детские вопросы отвечать не просто, для этого постоянно надо думать, а ее это утомляло. Он вечно рылся в ее книгах, спрашивая про содержимое. Книги достались ей еще от отца с матерью, которые, как и многие представители их поколения, очень любили читать. Сама Куропаткина после того, как закончила школу много лет назад, их особо не открывала. Она вообще не особо любила читать книги, предпочитая им журналы с кроссвордами и рассказами о знаменитостях с фотографиями. Это было гораздо менее депрессивно и угнетающе, чем содержимое большинства книг. Обычно Макс быстро сдавался, переставал к ней приставать, выбирал себе подходящий том и уходил в какой-нибудь угол читать.

С детьми Эмилией было еще проще, чем с ней самой. Новое поколение. Вполне достаточно было включить телевизор и найти там какие-нибудь мультфильмы. Оба мальчика сразу выпадали из действительности на неограниченное количество времени.

Макс наелся быстро. Дети в комнате все смотрели какой-то фильм. Тетя Таня была обладательницей довольно большого пакета каналов, за который исправно платила, и среди них были и семь каналов для детей, где постоянно крутили мультики и детские фильмы. Эмилия и Макс довольствовались коллективной антенной, и таких каналов у них не было. Теперь Колю и Веню невозможно было оторвать от семейного фильма то ли про касатку, то ли про дельфина, и он решил просто подождать, пока кино кончится, и не устраивать произвол. Сложив посуду в раковину и будучи изгнанным в комнату в ответ на предложение помыть посуду, Макс вышел из кухни и прошествовал на диван, стоявший в комнате у окна. На этом стареньком диванчике он провел немало часов с очередной книжкой из стоявшего тут же рядом шкафа. Хлопнувшись на пыльное сидение, он устало посмотрел на зеркальные дверцы, за которыми рядами стояли книги. Пахло пылью и пирогом. От выпитого горячего чая его разморило, холод больше не донимал, и Макс позволил себе просто лениво рассматривать книги, как делал до этого много-много раз. Жюль Верн... Как он всегда завидовал его дружным между собой отважным героям! Джек Лондон. Тургенев. Гоголь... Он неизменно трясся в детстве от его «Вечеров...». Достоевский... Макс вспомнил, как лет в одиннадцать достал один из его томов, прочитал название на нем и тут же потащил его к тете Тане, смотревшей в другом углу комнаты какой-то слезливый дневной сериал.

-Теть Тань.

-Чего, Максик? – голос был участливый, а глаза ее по-прежнему крайне внимательно следили за тем, что происходило на экране.

-Это про кого? Книга про кого? Название чудное... «Идиот». Ругательное какое-то.

Она оторвалась, наконец, от телевизора и как-то странно посмотрела на него.

-Это про одного человека. Который был такой добрый, что другие не могли в это поверить и называли его идиотом.

Насколько он потом помнил нудные школьные разборы этого произведения, ее описание было самым точным и емким.

Тот самый том по-прежнему стоял на прежнем месте. Он смотрел на него и вспоминал выражение лица тети Тани, когда он спросил ее:

-Это про кого?

Она говорила ему другое, но глаза ее ответили:

-Это про тебя.

На следующий день дождь прекратился. Как отрезало. Люди шурились с утра на яркое солнце, уверенно встававшее на совершенно чистом от облаков небосклоне. И больше дождя

не было. Ни разу за несколько следующих недель. В первый же день солнечной ясной погоды температура поползла вверх. Поначалу теплу даже радовались, но недолго. Ласковые солнечные лучи с каждым днем становились все злее и злее. Казалось, весь город с окрестностями поместили в какую-то гигантскую духовку и включили нагрев до максимальной температуры. Сначала первые несколько дней всем это напоминало парник. Была очень высокая влажность после бесконечного дождя, а в сочетании с жарким солнцем духотища получалась убийственная. Достаточно было выйти на улицу из-под кондиционера, как одежда намокала от пота в течение минуты, не больше. Потом стало еще хуже. Вся влага испарилась, а жар продолжал накатывать на город волна за волной, и с каждым днем температура только повышалась. За почти четыре недели она поднялась с пятнадцати до тридцати девяти градусов в тени.

О презентации сообщили в середине июля.

Эмилия с убитым видом рассматривала целую башню из ящиков с книгами. Придется, наверное, до обеда возиться, чтобы разложить это все по полкам. Рядом с ней стояли Нинка Карачарова из иностранных языков и Лариса Пронина из отдела экономики и финансов.

-Обалдеть! – высказалась Карачарова – эффектная блондинка с почти покрашенными корнями волос и круглым улыбающимся лицом, - одних этих Мерфи притащили целую коробку! Я что, двужильная, что ли?!

-Девочки! – из-за стеллажа с книгами на немецком языке вывернулся Бочкин и злорадно заявил:

-С книгами необходимо покончить как можно скорее. Клиенты не должны спотыкаться о коробки. А после смены в десять жду вас всех на собрании. Быть всем, Пронина! Не отпущу ни под каким видом! Собрание важное! Долгова! Почему у тебя на полках книги раскиданы?! Как ты собираешься клиентам товар предлагать, если он в таком виде? Штрафов давно не получала?!

Глядя вслед удаляющемуся начальнику, Карачарова оскалилась:

-Козел.

-Могла бы этого и не говорить, - устало проговорила Эмилия, - это констатация факта. Я бы еще и не так его охарактеризовала. Язык поганить не хочу.

-На собрании он будет про эту идиотскую презентацию рассказывать, - сказала Лариса, с усилием снимая с горы верхний ящик – она была маленькая и субтильная, хотя при этом могла на удивление много поднять, из-за чего имела сходство с муравьем.

-Какая такая презентация? – насторожилась Нина, снимая за ней следующий, забитый большими рабочими тетрадями по испанскому языку. Их толстая, мелованная бумага делала ящик просто неподъемным.

-А такая, - Пронина, казалось, была счастлива осознанием того, что даже Карачарова, знавшая все сплетни магазина без исключения, не обладала информацией о грядущей презентации.

-Я тоже ничего не слышала, - присоединилась к ним Эмилия, выбирая из ящиков книжки для своей секции.

-Я вчера заходила к ним с заявлением на отпуск и слышала, - стала рассказывать Лариса, - в начале следующего месяца в ночь с пятницы на субботу в магазине состоится закрытая презентация новой книги.

-Чьей? – одновременно спросили Эмилия и Нина.

-Кукушкина.

-Кукушкина?

-Того самого Кукушкина?!

-Да! Того самого!

Книги Петра Кукушкина, писавшего на самые злободневные социальные темы весьма грязным и сальным языком, продавались во всех книжных магазинах города, как горячие пирожки, несмотря на весьма кусающиеся цены. Но только у «Империи Гутенберга» был с ним подписан контракт о том, что презентации всех новых книг, а также встречи с читателями Кукушкин должен проводить только у них, на Обвалова, 3. Страницы его произведений буквально сочились грязью и мерзостью и огромным количеством ненормативной лексики. Читателям это все нравилось, книги на полках не залеживались.

-А что за книга? – у Карачаровой засверкали глаза, она была давней поклонницей Кукушкина, с удовольствием консультируя всех клиентов, у кого возникал по его книгам какой-нибудь вопрос, ведь Кукушкина издавали даже на иностранных языках.

-Не знаю, - с явным сожалением проговорила Пронина, - при мне они название не говорили. Вроде как про нынешнее поколение кибер-трутней.

-Про кого?! – переспросила Нина.

-Я цитирую. Поколение кибер-трутней.

-Шухер! Затычка! – прошипела Эмилия. Подхватив большую стопку книг про вампиров с молодыми людьми на обложках с внешностью моделей из рекламы нижнего белья, потащила в свою секцию. Бочкин внимательно и как-то настороженно следил за их действиями, а особенно, как ей показалось, за ней. Его бдительность никогда не ослабевала. Каждый день штрафы за нарушение трудовой дисциплины сыпались на работников магазина, как из рога изобилия. Ненавидели Бочкина все сотрудники магазина и с весьма редким единодушием. Естественно, директор его любил и отмечал регулярными премиями.

До самого вечера Эмилии некогда было даже присесть и перевести дух. После двенадцати пошел поток покупателей. Одни хотели одно, другие – другое. За день она несколько раз читала чуть ли не целые лекции о творчестве разных писателей-фантастов; выбирала вместе с покупателями книги в подарок; долго говорила о разнице между оборотнями и вампирами с одной девушкой, не знавшей, что купить (та была так серьезно настроена, как будто они существовали на самом деле); зачитывала вслух оглавление одной из книг для старушки, забывшей дома очки; долго выбирала книгу для молодого человека, хотевшего почитать «что-нибудь вроде Моби Дика»... А в промежутках между бесконечными диалогами с «покупосами», как называла клиентов Карачарова, таскала книги с места на место, не один десяток раз поднявшись и спустившись по стремянкам, чтобы добраться до верхних полок.

Наконец, уже в шестом часу вечера, в ожидании вторичного наплыва покупателей, решивших посетить магазин после работы, Эмилия поняла, что выбилась из сил. Еле дождавшись окончания длинной беседы с любителем Шекли, она объявила остальным консультантам, что пошла на перерыв, и, чувствуя, что ноги уже начинают дрожать, двинулась к лестнице, ведущей вниз – там в подвале у работников были раздевалки и маленькая столовая. В столовой стояло несколько столиков с пластиковыми стульями вокруг, там можно было съесть то, что принес из дома, а в углу стояли для общего пользования холодильник, маленькая микроволновая печь и электрический чайник, покрытый изнутри таким слоем накипи, что работал он чуть ли не десять минут, чтобы согреть чашку воды.

Закончив смывать с пальцев типографскую краску, Эмилия дошла, наконец, до столовой. Там она вытащила из холодильника пластиковую коробку с рыбными палочками, на которой было криво выведено черным фломастером «Долгова», швырнула ее в микроволновку и стала ждать, в нетерпении постукивая вилкой по столу.

-Долгова! Эмка! – с соседнего стола ей махала Тупа, как все за глаза звали Светлану Алексеевну Туполеву, старшего менеджера по продажам в отделе хобби. Она была самая пожилая во всем штате сотрудница, работала чуть не с самого открытия магазина, но и не думала уходить на пенсию. Руководство постоянно подсылало к ней новичков для обучения – никто

не мог так быстро ввести новенького в курс дела, как Тупа. Ее все знали и любили точно также, как терпеть не могли Бочкина.

-Да, Светлана Алексеевна! – Эмилия прошла к ее столику, забыв на минуту о рыбных палочках.

-Слышала о собрании? Я всех спрашиваю. Сережа просил предупредить еще раз, чтобы никто не ушел.

Только для Тупы Бочкин был Сережа – само по себе это было не удивительно, так как она работала в «Империи Гутенберга» еще до того, как Сергей Бочкин пошел в начальную школу. Эмилию неизменно коробило то, как она звала этого козла, но виду она не подавала.

-Да, в курсе. Спасибо, Светлана Алексеевна. Он нам сегодня об этом говорил уже.

-И еще не раз бы сказал, но он уехал сегодня в пять и будет только после девяти.

Эмилия обрадовалась. День без Затычки будет почти приятным. Почти радостно поедая пресные рыбные палочки, она приступила к чаю, таская за ниточку чайный пакетик в кружке с кипятком и наблюдая за обедающими. В основном те смотрели старенький кинескопный телевизор, стоявший в углу на полке, прикрученной к стене над микроволновкой. Телек показывал плохо, но сквозь рябь все равно можно было что-то разглядеть. Жуя почти безвкусный обед, Эмилия тоже устремила взгляд в экран. Передавали прогноз погоды. Худенькая девушка вышагивала вдоль карты, покрытой разными значками, цифрами и стрелочками, и радостным голосом рассказывала, что жара продолжится и даже усилится. При этом она все время улыбалась, от чего на взгляд Эмилии походила на маньячку из какого-нибудь второсортного ужастика...

-Эмка! К тебе можно? – рядом с ней на пластиковый стул с хлопком опустилась Пронина, - тут рядом розетка, а зверек разрядился, - она потрясла перед Эмилией планшетом.

-Да, давай, садись, - Эмилия еле проговорила эти слова, стараясь не плевать недожеванными рыбными палочками. Лариса Пронина была большой поклонницей всевозможных гаджетов, и каждую свободную минуту сверялась со своими электронными друзьями.

-Прикинь, я тут с одним придурком познакомилась. Такой ухлопок, - Лариса, воткнув зарядку планшета в розетку, скользнула поближе к Эмили, очевидно решив похвалиться очередными находками в сети. Она обожала знакомства в Интернете, а также не стеснялась высказывать собственное мнение на всякие злободневные темы на всевозможных форумах.

-Чего за ухлопок? – Эмилия с интересом потянулась к экранчику гаджета. У нее самой даже мобильного телефона не было – не то чтобы он стоил такие уж запредельные деньги, просто он был ей не нужен. Родственников у нее кроме детей и Макса не было, с работы вполне могли позвонить и на домашний, а соседи просто стучались в дверь (звонок у них был сломан) или оставляли ей в почтовом ящике записки примерно следующего содержания: «Собрание жильцов подъезда на первом этаже воскресенье 21:30». Со своим первым и, видимо, единственным гражданским мужем она познакомилась именно по Интернету, поэтому когда все кончилось, старый компьютер, с помощью которого она выходила в сеть, по ее просьбе был отнесен Максом на помойку. Больше Эмилия не хотела иметь ничего общего ни с Сетью вообще, ни с теми ненормальными придурками, которые бродят на ее просторах. Человек, с которым намереваешься жить вместе в реальном мире, должен предпочитать его виртуальности. Значит, в сети его быть и не должно. Пронина же просто ловила кайф от того, что представлялась на всяких сомнительных сайтах знакомств настоящей оторвой без комплексов, а потом зачитывала вслух послания всех озабоченных под хохот собравшихся.

-Смотри. Пишет, козел: «Отдамся тебе, милая, за бутылку пива!», - Лариса водила по планшету пальцем, прокручивая переписку.

-А я ему: «Ого! А какое желание сильнее с утра? Отдаться или напиться?». А он...

К ним подсело еще двое человек, когда соседи поняли, что Пронина снова устроила громкую читку. Знакомствами и незатейливым трепом в сети занимались почти все, но шоу из этого

умудрялась делать только она. Вокруг нее собирались, как вокруг юмориста, а Пронина, упиваясь вниманием к своей персоне, зачитывала самое интересное и смешное. Эмилия смеялась вместе со всеми, пока не заметила, что ее обеденный перерыв уже почти кончился.

Может быть, из-за жары или еще по какой-нибудь причине, но покупателей было не так много. Так что Эмилия большую часть времени до десяти вечера проболтала с Ниной и Ларисой, стоя у стойки информации и только время от времени проходила по секции, поправляя книги, неизменно раскидываемыми по полкам находившимися в активном поиске покупателями. Бочкин сгинул из магазина почти до конца рабочего дня, и время пролетело незаметно. Он появился уже к закрытию, когда все ходили вдоль стеллажей и выстраивали книги ровными рядами. Разбирая очередной завал, устроенный клиентами на одной из полок, Эмилия вновь удивилась их крайней неаккуратности. Книги были навалены, как попало, многие оставались в раскрытом виде корешками вверх, с замятыми углами страниц. Ей было их жалко. Как так можно?! Эмилия всегда представляла себе, сколько деревьев уничтожено для того, чтобы эти книги вообще появились, сколько народа работало над этим. И так варварски портить. Не понятно. Сама она росла в такой семье, где ребенка могли отлупить, если он за столом играл с хлебом, а к книгам всегда было отношение, как к настоящей ценности. Это была одна из причин, почему Эмилия решила работать в книжном магазине. Раздумывая обо всем этом, она неспешно разгребала очередную полку, когда сзади подскочил Бочкин:

-Долгова! Про собрание помнишь? Через полчаса на первом этаже в отделе хобби.

Не дожидаясь ответа, он двинулся дальше. «Пошел портить людям настроение» - пронеслось у нее в голове.

Полчаса спустя Эмилия спустилась в отдел хобби и встала рядом с Карачаровой, жующей яблоко.

-Я не опоздала?

-Нет. Затычки еще нет.

Все собирались еще минут десять. Эмилия вяло подумала, что с таким графиком работы домашние скоро забудут, как она вообще выглядит. Прислонившись к стеллажу с книгами по народной медицине, она молча смотрела в одну точку, никак не реагируя на то, что происходило вокруг. Прошло еще минут семь, прежде чем все на самом деле собрались. Бочкин вышел вперед и энергично начал доклад. Результаты месяца, самый лучший, самый худший, штрафы – все это Эмилия слушала в пол-уха. Она думала только о том, что именно следует купить сегодня на ужин после того, как это глупое собрание, наконец-то, кончится.

-...И наконец! – Бочкин повысил голос, перекрикивая нараставший гул вокруг – до одиннадцати вечера людям оставаться совсем не нравилось.

-Сообщаю вам, что в начале августа, восьмого числа, в ночь с пятницы на субботу в нашем магазине пройдет презентация книги «Потные перья» Петра Кукушкина...

Гул стал громче. Это сообщение оказалось новостью отнюдь не для всех. Судя по довольному виду Карачаровой, она рассказала об этом уже всем, кто только был согласен ее слушать.

Эмилия и тут особо не вникала до тех пор, пока Бочкин не вытащил из бумажного пакета, который перед этим держал в руках, книгу.

-Вот что будет на презентации, - он поднял книгу повыше, чтобы все могли рассмотреть. Эмилия только глянула и замерла. В памяти всплыл давнишний разговор с Максом... Мужчина на обложке, как в «Двенадцатой ночи»... Что-то про перья... В руке начальник держал белую толстую книгу. На обложке ее был изображен человек - мужчина в шляпе с пером, в плаще и в одежде, как во времена Уильяма Шекспира, с большим круглым воротником. Под картинкой голубыми буквами было написано «Потные перья». Эмилия смотрела на книгу, и только одна мысль вертелась в ее усталом мозгу: как Макс узнал?!

-Презентация будет закрытой, так скажем, не для всех, - продолжал информировать собравшихся Бочкин, - приглашения разосланы, списки уже есть. Все известные люди, многих вы знаете! – он хохотнул, довольный собственными словами, потом продолжил.

-Как я уже сказал, всем разосланы приглашения. Кроме избранных будет еще пресса. В основном писатели из желтых СМИ, но и пара серьезных изданий тоже пришлют своих представителей. Итак! Мне нужны трое добровольцев! Трое человек, которые будут помогать Кукушкину и получают за несколько ночных часов зарплату, как за три дня!

В зале заговорили уже в голос. Все обсуждали возможность получения легких денег.

-Это все, что я хотел вам сказать! – провозгласил Бочкин, - желающие поработать ночью подходят завтра ко мне до обеда. Все! Можете устремляться в свои дома!

Все сразу повалили к раздевалкам, а Эмилия продолжала стоять и думать, откуда брат узнал о закрытой презентации. Мог, конечно, через какого-нибудь знакомого, но дело было в том, что Макс вообще довольно часто узнавал то, что знать ему не надо было...

Углубиться в эти мысли она не успела. Сзади подскочила Карачарова, до сих пор обса-сывавшая яблочный огрызок:

-Здорово денжат по-легкому срубить, а?! Пойдем завтра к Затычке? Вместе запишемся!

-Вообще в пятницу я люблю дома побыть...

-Не ленись. Побудешь в субботу. И не просто побудешь! А поведешь домашних и в ресторан и в кино! Денежки на это будут! Ты домой-то идешь?

-Иду, конечно.

-Тогда пошли.

Часть пути до дома Эмилия проделала вместе с Ниной. Та трещала без умолку, твердо решив попасть в число тех «счастливчиков», которые будут работать на презентации. Они шли по пустующему к ночи городу, дышащему жаром, как из печи – уже дней пять по ночам было больше тридцати. После прохладного воздуха магазина навалившаяся вязкая жара лишила их всех оставшихся сил. К спине миглом прилипла офисная синтетическая рубашка, а к ногам – синтетические брюки.

-Обожаю презентации! – гнула свое Нина, - не понимаю, что ты-то уперлась?! У тебя двое детей, братец еще на твоей шее вообще ничего не зарабатывает, да и не стремится, деньги лишними уж точно не будут! Я думала, ты в первых рядах будешь!

-Знаешь... Не люблю я такие книги, - Эмилия на ходу достала сигарету из пачки и закурила. Стало как будто полегче, - Не нравятся они мне. Грязь одна.

-Ой, да ладно! Брось! – Нина порочно улыбнулась, - Это же модно. Так все сейчас пишут! Ну, потерпишь часа четыре. Потом придешь домой, кофейку выпьешь, поспишь и забудешь обо всем этом в тот же день!

Слушая трескотню подруги, Эмилия думала о другом. Ну откуда Макс мог узнать про то, как выглядит книга? Иногда он выдавал такое... Она вспомнила тот выходной...

...Накануне того самого выходного ее сыновья Коля и Веня попросили показать им диафильм. У них в квартире был такой раритет: старый диапроектор и куча пленок к нему. Эмилия случайно нашла все это, когда года полтора назад решила разобрать антресоли. Сама она полезла на гнутую стремянку, чтобы лично проинспектировать содержимое давно не открывавшегося шкафчика, а Макс с детьми должны были принимать внизу вещи, протирать их от пыли и складывать в кучу для дальнейшего с ними ознакомления. Проектор и лежал там, среди старых ненужных лекций, подшивков журналов и елочных игрушек. Отодвинув электрическую пашлычницу, Эмилия вытащила объемистый пакет. В проекторе не оказалось лампочки, но Макс сбегал куда-то и принес такую же. Посмотрев на нее, Эмилия подумала, как давно все это сняли с производства.

Тем вечером дети чуть ли не час рылись в пленках. Макс тут же к ним присоединился. А его сестра, не отрывая взгляда от кучи, против своей воли вспоминала, как много лет назад им эти самые пленки крутила на проекторе мама. Надо было еще уговорить ее. Хоть Макс был уже довольно большой, она не разрешала ему самому включать прибор – боялась хлипкой проводки. Проводка с тех пор стала еще хуже. Мама много работала, приходила домой очень уставшая, и в редкие вечера им все-таки удавалось уговорить ее посвятить вечер диафильмам. Зимой они смотрели их в комнате на потолке, летом, когда темнело очень поздно, уходили в ванную комнату. Теперь тоже было лето, но на окнах с тех пор появились довольно плотные шторы, и часов в одиннадцать, несмотря на отблески последних солнечных лучей, проникавшие в окна, им удалось создать некое подобие темноты. Все улеглись на полу. Макс взял в руки проектор, а Веня протянул ему коробочку с пленкой.

-Вот эту.

-«Гамельнский крысолов» - прочел Макс.

Он стал крутить ручку, на потолке менялись кадры, а Макс читал подписи внизу картинок. На втором кадре Эмилия стала задремывать.

-«А на четвертый день в ратушу появился странный человек...»

Ей стал сниться сон. Вот город, их улица, светит солнце, но тепла от него нет, она стоит вместе с сыновьями на тротуаре. А рядом стоят другие взрослые с детьми. А посередине улицы стоит крысолов – точь-в-точь как на старой пленке - и играет на своей дудке. И все слушают.

-«...дети, сокровище Гамельна, спешат за крысоловом...»

Веня и Коля внезапно дергаются, вырываются из ее рук и бегут к крысолову. Другие дети – тоже. Он поворачивается спиной к Эмилии и другим взрослым и уходит куда-то дальше по улице. Дети бегут за ним. Эмилия кричит, чтобы они остановились, но из горла не доносится ни единого звука. Внезапно дома вокруг начинают рушиться. Она смотрит на это, но не может ни крикнуть, ни убежать. Вся часть улицы, где стоит Эмилия, покрывается кусками разрушенных зданий и телами. Дальняя часть, по которой идут крысолов и дети, еще не разрушена.

-«...а крысолов уводит детей мимо вересковых полей, все дальше и дальше...»

Эмилия все-таки находит в себе силы и срывается с места, бежит за детьми и уводящим их прочь человеком. Сзади слышатся звуки взрывов и крики.

-«...глаза у незнакомца сверкнули красным, он повернулся и...»

Она догнала крысолова и схватила его за плечо, силясь повернуть к себе лицом. Руку обжигает, как будто она ее сунула в костер. Отнять пальцы от его плеча не получалось. Боль навалилась на нее, не давая ни дышать, ни думать. Она стала задыхаться... Крысолов повернулся. У него было лицо Макса...

-Мам! Мама!

-Эмилия! Проснись!

-Ты чего?!

Она резко поднялась с пола, на котором лежала и, очевидно, заснула. Сразу заныла шея. Вокруг было темно. Только свет от проектора разгонял темноту вокруг. На стене светился последний кадр с надписью «Конец».

-Что...

-Ты кричала, - сказал Коля.

-Тебе плиснился стлашный сон? – спросил Веня.

-А... Да.

Макс ничего не говорил, только молча смотрел на нее. И выглядел точно также, как в ее сне. По какому-то странному капризу освещения глаза его отсвечивали красным. Эмилия еле заставила себя не сделать шаг назад.

-Что тебе приснилось? - со странной интонацией в голосе спросил Макс.

-Я... Не помню. Живо спать! Сказка кончилась.

Дети без звука пошли в постель. Эмилии показалось, что они испугались ее. Она сама себя испугалась. Нет, все, хватит. Надо держать себя в руках. Одного чудного в семье более чем достаточно. Она легла самая последняя, долго просидев той ночью в кухне с чашкой кофе. Сон не шел у нее из головы. Куда Макс повел детей? Казалось, он им скорее помог, чем сделал что-то плохое, ведь улица во сне обрушилась, если бы он этого не сделал, то куски здания... Рука, которой она во сне коснулась плеча Макса-крысолова, до сих пор болела. Эмилия даже подносила ее к глазам, разглядывала, почти ожидая увидеть там ожог... Естественно, никакого ожога там не было. Но рука все равно болела. И сильно. Как будто Эмилия прикоснулась к конфорке электроплиты или к работающему утюгу.

Она мотнула головой, обругала себя жертвой фильмов ужасов, вымыла чашку и пошла спать.

Наутро Эмилия почти не помнила, почему же так испугалась. У нее с самого утра было прекрасное настроение. Ведь был выходной. Стояла прекрасная погода. Уж точно стоило погулять. То лето было куда лучше. Не такое жаркое. Давний друг, давно и упорно не исчезавший с ее горизонта, пригласил Эмилию в кино. Фильм она хотела посмотреть, а вот идти в кинотеатр именно с этим человеком вовсе не желала. Боялась. Но не его, а себя. Как-то она стала диковато себя вести с мужчинами. Поэтому сослалась на головную боль (так было гораздо проще), а сама решила провести день с детьми. Это было бегство, но Эмилия так устала от общения, что ей, в самом деле, хотелось помолчать. Макс предложил пойти с ними, но Эмилия отказалась, не сознавая даже самой себе, что ей стыдно находиться рядом с ним. Макс понял, но обиду не показал. Давно привык к этому. Все как обычно. На завтрак ради такого дня Эмилия пожарила блинчики, и едва успела сделать первую партию, как все уже сидели за столом и уписывали их за обе щеки, щедро поливая малиновым вареньем и сгущенкой. Веня и Коля быстро доели все, что было в тарелках, и ушли чистить зубы. Эмилия начала убирать со стола грязную посуду. Вдруг резкий звон упавшей вилки заставил ее обернуться. Макс сидел за столом прямой, как палка. Глаза смотрели в никуда. Руки сжаты в кулаки. В левом кулаке торчит безнадежно погнутая ложка, с которой на скатерть капает варенье.

-Макс?..

-Уведу за собой детей...

-Что ты там...

-Я Гамельнский Крысолов... Я уведу детей за собой...

-Макс. Очнись.

-Всех уведу... Никто не останется под...

-Макс! – Эмилия, ненавидя себя за этот поступок, влепила брату пощечину.

Это возымело действие. Макс выронил ложку, вскочил со сразу опрокинувшейся табуретки, чуть не упал и жалко посмотрел на Эмилию. Та от своей пощечины была едва ли не под большим впечатлением.

-Я опять...

-Ладно, - она сжала кулаки, - Не бери в голову. Мы сейчас с ребятами уйдем, а ты отдохни.

-Хорошо... Хорошо.

Макс поднял табуретку, буквально рухнул на нее и так и сидел на ней, пока Эмилия с детьми не собралась и не вышла из квартиры.

На улице было чудесно. Полуденная жара еще не начиналась, дул ветер. Мальчишки захватили с собой летающую тарелку и теперь перекидывались ею, бегая среди кустов и деревьев. Эмилия, не спеша, шла за ними. Она наслаждалась покоем. Ни с кем не надо была разговаривать. Наконец-то. Они держали курс на большую детскую площадку в соседнем дворе. Там не так давно городские власти сделали новый детский городок, и он тут же стал местом паломничества всех окрестных ребятишек. Взрослые сидели вокруг горок и лесенок на удобных новых скамейках, прячась от июльского солнца под раскидистым старым тополем. Этот

исполин был самым большим и старым деревом в районе, и его тень покрывала собой просто огромную площадь. Тень была как раз кстати – день обещал быть жарким. Эмилия села на свободную лавку, достала детектив, прихваченный из дома, и погрузилась в чтение. Эту книжку она читала уже больше месяца – все никак не хватало времени. Хотя сюжет был интересен, и она могла бы осилить его за пару свободных вечеров, но по факту удавалось прочесть за раз всего несколько страниц. О ребятах она не беспокоилась – они никогда не уходили с территории, не сказав, куда именно пошли, а плохиши к ним не приставали, ведь их было двое.

Пятна солнечного света, пробивавшиеся между листьями, перемещались по книге. Болтовня соседей на других скамейках и крики детей с площадки совсем не мешали. Мешал только ветер, норотивший ненароком перевернуть страницы и ерошивший волосы. Эмилия уже пару раз вставала и гуляла вокруг, наблюдая за игрой детей. Народу прибавилось – время шло к полудню. Мальчики принесли ей тарелку – ветер был слишком силен и сбивал игрушку с курса, когда они пытались ее запустить. Книгу тоже стало читать сложно, и Эмилия стала просто накручивать круги вокруг площадки.

Часа через полтора она уже подумывала о том, чтобы отлучиться в ближайший магазинчик и купить что-нибудь вкусненькое, вроде чипсов или семечек, как тут раздался жуткий вопль:

-Убегайте! Там мужик с ружьем!

Все вздрогнули от этого нечеловеческого крика и стали искать того, кто так орал. Долго искать не пришлось. На площадку вдруг вылетел Макс – как был небритый, нечесаный, в домашних заляпанных джинсах и в засаленной майке. Глаза его были абсолютно сумасшедшие. Казалось, он вывалился из дурдома. Эмилия, мигом покрывшись холодным потом, почувствовала себя в страшном сне. На ее брата обратили внимание. Ее опять захлестнуло чувство стыда за него.

-Какой мужик?

-Откуда он? – на него посыпались вопросы. Макс ни на один не отвечал, продолжая кричать одно и то же:

-Он уже застрелил кого-то и бежит прямо сюда! Убегайте! Быстрее!

Налетел неожиданно сильный порыв ветра, швырнув в глаза Эмилии песок. Она заморгала.

-Да убегайте же! – снова заорал Макс. Где-то позади него во дворах раздался грохот и вскрик. Все вышли из ступора и, похватав детей, бросились вон с площадки, в сторону дороги.

-Веня! Коля! – позвала Эмилия и побежала к Макс, уже исчезавшему в соседней подворотне. Ее переполняла злоба. Сто процентов этот бред Макс придумал! Вот только бы добраться до него, и тогда она все ему скажет...

Вдруг раздался жуткий звук. Она такого никогда не слышала. То ли стон, то ли рев. Почему-то ей вспомнилась компьютерная игра, в которую любил по выходным играть ее друг. Что-то про демонов... Там тоже был такой звук – в игре это означало, что демоны близко и вот-вот набросятся на главного героя. Жуткий стон, такой человек издать не может. Прямо за ее спиной. Он все длился и длился. Эмилия, как в замедленной съемке, невозможно медленно поворачивала назад голову, чтобы посмотреть, что там... Огромный исполинский тополь крепился на бок, издавая какие-то невозможно жуткие скрипы и вой, осыпая все вокруг листьями, ветками и большими пучками пуха. Казалось, это продолжалось очень долго. Все ниже и ниже опускался огромный ствол. Со стороны виделось, что он был толщиной с нефтеналивную цистерну. Дерево неумолимо подминало под себя все строения на детской площадке, коверкая их, как фольгу. Когда ствол коснулся земли, асфальт под ногами вздрогнул, в ушах гулко грохнуло, и Эмилия чуть не упала. Она смотрела на это и не могла оторваться. И не только она. Все молча, как на кладбище, стояли вокруг упавшего гиганта. Усиливавшийся с каждой

минутой ветер разносил от него листья, пыль и пух. Стоявший рядом с ней мужчина витиевато выругался. Очевидно, у него не было слов. У нее тоже не было. Вокруг стали собираться люди.

В то день никто не пострадал. Событие даже попало в местные газеты. Правда, там было только сказано про то, что на площадку упало дерево, и жертв нет, а про Макса и его мужика с ружьем – ни слова. Эмилия тогда только порадовалась этому. Макса они после происшествия нашли только дома, когда вернулись, взбудораженные случившимся. Никакого вооруженного мужчины так никто и не видел. Эмилия знала, что его и не существовало никогда. Сам Макс тут же накрепко замолкал, как только Эмилия пыталась у него что-то узнать об этом. Тополь на той площадке пролежал несколько недель. Дети лазали по нему, как перед этим лазали по тем лесенкам и горкам, которые дерево подмяло под себя. В конце концов рабочие распилили тополь, а заодно и несколько деревьев поблизости. Потом покидали куски в самосвалы и уехали. Площадку отстроили заново, но Эмилия больше не водила туда детей, сама толком не зная, почему.

Эмилия лежала на своей узкой постели и прислушивалась. В углу комнаты спали дети, сбросив на пол мокрые от пота подушки. Простыни, которыми она их с вечера укрыла, также валялись у постелей. Эмилия им завидовала. Как единственная женщина в квартире, она не могла себе позволить спать в одних трусах и майке в одной комнате с... мальчиками. Она уже смущалась их, как мужчин. Уже два года, как вечером их мыл Макс, а не она. Ей было стыдно.

На окне умывалась кошка, шурша шерстью и время от времени причмокивая. Под окном хрипло гудела сигнализация – судя по звуку, аккумулятор у машины почти совсем сел. Но не это мешало ей уснуть.

Мешал Макс. Он ходил по квартире. Не включая свет, без всякой цели. Под его босыми ступнями жалобно скрипел старый паркет. Макс то стоял у окна, то проходил в угол, то садился на пол посередине комнаты и смотрел в одну никому неизвестную точку немигающим взглядом. Его глаза светились, как у диких животных. И так он себя вел с тех пор, как Эмилия помнила. Мать его таскала к врачу. Ей сказали, что это лунатизм, иногда бывает, наверное, скоро пройдет. Не прошло. Тему мама развивать не стала, побоявшись, что психиатры упекут ее сына... куда следует. Она его стыдилась, но зла ему не хотела. Эмилия в детстве очень сердилась на нее за то, как она обращалась с Максом, но, когда выросла, стала ее понимать.

Макс ничего о своих ночных похождениях не помнил и никогда не вел себя агрессивно в то время, когда они происходили. Но как же Эмилия его боялась, пока он так ходил! На негнущихся ногах, с пустым взглядом, изо рта стекала слюна. Каждый раз она ожидала, что в таком виде его застанут дети. Как им объяснить? Что говорить?

В эту ночь он опять пошел. Обычно Макс беспокоил ее таким образом не чаще одного или двух раз в год. Было время, Эмилия даже пыталась вычислить, не связаны ли периоды его ночной активности с фазой луны или еще с каким-нибудь астрологическим или астрономическим фактом. Связи никакой не было. В конце концов, она стала напоминать себе героиню какого-нибудь третьесортного ужастика, подозревающую соседа в том, что он оборотень. Тогда она бросила заниматься всей этой мистикой.

Последние две недели он ходил каждую ночь. И до тех пор, пока Макс снова не ложился спать, Эмилия лежала в постели и тряслась от страха. За все эти ночи она заметила, что выпешивает он по квартире по одной и той же программе. Встает с кровати, делает два круга по комнате, останавливается перед одним окном, потом перед другим, идет в коридор, стоит там минут десять, потом уходит на кухню и стоит там еще минут двадцать, после чего ложиться обратно в постель и спит до утра. Что он делал на кухне, Эмилия не знала, а следить за ним боялась, в чем себе сразу чистосердечно призналась.

Иногда он что-то бормотал, но она боялась вслушиваться. Как-то раз прислушалась...

...Ей тогда было пять с половиной лет. Максиму было почти двенадцать. Тогда они жили в этой же квартире вместе со своей матерью. Раньше жил еще отец, но после нескольких лет его беспробудного пьянства и драк, которых Эмилия почти не помнила, мать развелась с ним и выгнала из дома. Он тогда исчез куда-то, больше ни разу в их жизни не возникнув. И никогда больше с того момента Макс не упоминал о нем. Будучи ребенком, Эмилия много раз пыталась что-то вызнать об отце у брата. Тот отговаривался странными фразами. И только когда она выросла и сопоставила все замечания, брошенные Максом, то стала подозревать, что отец его постоянно бил. Мать работала на двух работах практически без выходных, Эмилией занимался только Макс. Он учил ее читать, готовил ей еду, водил на детскую площадку, которую сам ненавидел. Иногда только он странно замирал и смотрел в одну точку. Эмилия тогда боялась, сразу начинала теревить его, звала, шумела. Макс быстро приходил в себя и сразу просил ее не рассказывать матери. Она не рассказывала.

В тот вечер мама пришла особенно поздно. Макс читал Эмилиии перед сном сказку про храброго зайца, потом они легли спать. Сквозь сон Эмилия услышала, как заскребли ключи в замке входной двери, потом шаги матери по коридору. Она даже хотела вскочить и побежать встретить ее, но ей хотелось спать. Мысль только успела родиться у нее в голове, а Эмилия уже опять заснула. Ее разбудил странный шум. Открыв глаза, Эмилия увидела косые лучи от фонаря с улицы, лежавшие полосами на полу, на мебели, на стенах и потолке. От них было светло. Мама еще не ложилась – через матовое стекло двери виден был свет в кухне. Тихо работал телевизор. Она не сразу заметила, что у кровати кто-то стоял. Эмилия уже хотела закричать изо всех сил, но успела остановить себя. Рядом с ней стоял Макс в одних трусах, босиком на вытертом до основания коврик. В свете уличного фонаря Эмилия видела все, как днем, только в странных серебристо-черных тонах. Макс стоял перед ней, как мраморная статуя из музея. И смотрел тем самым пустым взглядом. И что-то говорил. Эмилия испугалась. Он был, как страшный волшебник из сказки, говоривший заклинание. Макс продолжал бормотать. Эмилия прислушалась.

-Собака, - шептал Макс, - Собака...

В коридоре послышался шум, раздались звуки шагов. Через секунду дверь открылась, и на пороге появилась мама.

-Что у вас тут... - начала она, увидев Макса, стоящего у кровати Эмилиии.

-Собака... Собаку надо... Собаку надо задавить! – последнюю фразу Макс проговорил громким голосом, так что мать очень хорошо разобрала, что он там сказал.

-Ты с ума сошел?! – взвизгнула она. От ее голоса Макс сразу подскочил, очнувшись, а Эмилия заревела в голос. И хотя брат тут же стал уверять маму, что ничего не помнит, она ему не поверила, решив, что Макс просто решил попугать сестру какими-то дурацкими страшилками. Кончилось это все скандалом. И только на следующий день, привлеченные шумом с улицы, они узнали, что случилось. Водитель машины, проезжавшей по дороге, пытался объехать собаку, выскочившую на дорогу. Автомобиль потерял управление и выскочил прямо на автобусную остановку, где было полно людей. Эмилия тогда, как замороженная, смотрела на залитый кровью асфальт. После этого Макс еще несколько раз выдавал что-то похожее, и каждый раз его бредовые фразы обретали смысл только после того, как все успевало произойти наяву.

Эмилия задремала, но проснулась, как ей показалось, сразу, как от толчка. Сев в кровати, она посмотрела в сторону раскладушки Макса. В свете от уличного фонаря было видно, что кровать пуста. С кухни доносился мерный топот – видимо, он вышагивал по кухне. В первый раз Эмилия решилась пройти за ним следом. Почему ей опять приснилась собака и та машина? Если бы можно было тогда разгадать его ребус, удалось бы спасти несколько жизней. Может,

сейчас именно такой случай? Дрожа, как от самого сильного мороза, хотя стояла невозможная жара, Эмилия стала красться в сторону кухни.

Никто до самого конца так и не узнал, до какой степени свихнулся писатель Петр Кукушкин. Только потом, когда стало слишком поздно что-то менять, все наперебой принялись уверять друг друга, а в первую очередь самих себя, в том, что они с самого начала чувствовали в нем некую червоточину, гнильцу, несоответствие. Его произведения были насквозь пропитаны сексом, мерзостью, какой-то застораживающей грязью. Он считался очень модным. Особенно среди молодежи. Самого себя он называл «десидентом нашего времени». Все его произведения на самом деле преподносили читателям его любимую идею: Порочность (с большой буквы) есть производная от цивилизации. Не может быть Порочности без цивилизации, так как лишь цивилизация есть абсолютно необходимое условие для появления Порочности. В состоянии Дикости Порочность отсутствует, там есть только стремление к еде и размножению и больше ничего. Лишь в цивилизации рождается Порочность. Следовательно, цивилизация есть зло.

Идея считалась крайне передовой и модной. Кукушкина постоянно приглашали на разные тематические вечеринки и светские рауты, так как посетители и организаторы таких тусовок считали его крайне забавным.

Он вполне подходил под героев своих книг. Среднего роста, не толстый, а какой-то жирный, сальный, с нездоровой кожей. Волосы у него были длинные, до плеч, редеющие, на затылке сквозь эти вечно сальные патлы просвечивала розоватая шелушащаяся кожа. Обрюзгшее раньше времени лицо отражало, казалось, все пороки, о которых он писал, вызывая желание у большинства людей помыть руки после встречи с ним. Одевался он крайне дорого: рубашки и костюмы из модных бутиков, замшевые ботинки, золотые перстни на руках, толстая золотая цепь на шее. Только рубашки его были вечно с засаленными воротниками, пиджаки мятые и в каких-то странных разводах, как будто ими перед этим пол мыли. А ботинки выглядели так, как будто ему кто-то постоянно по ногам ходил.

Когда он изъявил желание пропиарить свою новую книгу, дирекция «Империи Гутенберга» с радостью согласилась. У них давно с ним уже было, как принято говорить, «плодотворное сотрудничество». Кукушкин постоянно устраивал там не только презентации своих книг, но и встречи с читателями. Однако теперь он предложил кое-что новенькое.

Закрытая презентация. Только приглашенные избранные и пресса. Особенный формат. Он поставил очень жесткие условия. Если бы не лето и не сезонный спад продаж, магазин, скорее всего, отказался бы. Он хотел получить для презентации целый зал. Чтобы зал был недоступен для посетителей, чтобы Кукушкин сам его подготовил для презентации. Чтобы там не было ни одного работника магазина или охранника. Ему не должны были мешать ни при каких обстоятельствах. Также магазин не мог выступить против списка тех, кого он хотел пригласить. При этом Кукушкин кроме оговоренной в договоре с магазином суммы предложил директору магазина лично такие деньги за разрешение распоряжаться в одном зале несколько часов, что тот согласился, особо не думая. За такие деньги вполне можно было разрешить этому извращенцу делать то, что он хочет.

Вдоль еле ползущей пробки пробирались пешеходы – все потные, с темными пятнами на спинах и подмышками, с мокрыми волосами, из-под которых стекали капли, оставляя на посеребривших лицах и шеех чистые дорожки. Метеорологи заявляли, что во всем виноват блокирующий антициклон из Африки, и когда он сдвинется с места, затруднялись ответить. По ночам была жара за тридцать, спать было невозможно, под утро удушливую сауну сменяло пекло, как бешеный зверь, накидывавшееся на город. Асфальт напоминал пластилин, на нем оставались отпечатки от автомобильных колес и от женских шпилек. Трава на газонах куда-то как будто пропала, ее заменила серая, как цемент, пыль. Люди ходили чуть ли не голые, даже

самые стеснительные уже давно наплевали на то, как выглядят в майках и с голыми ногами. Холодильники в магазинах были забиты бутылированной водой и пивом. При этом все равно и то и другое при покупке было противно теплое, ведь разбирали бутылки так быстро, что, положенные перед продажей в холодильник, они просто не успевали остывать. Прижимистые, но сердобольные, горожане выходили в свои дворы и поливали деревья и кусты под своими окнами, а для бродячей живности оставляли миски и кастрюли с водой.

Кондиционеры работали без перерыва, хотя самые дальновидные старались держаться от них подальше – никому не может пойти на пользу мгновенное изменение температуры с 40 до 21 градуса. Недальновидных тоже было немало, и город бил все рекорды по количеству случаев воспаления легких. Кое-где в конторах руководство даже сокращало рабочий день, особенно там, где кондиционеров не было вовсе.

Недели три вообще не было ни дуновения, только жара постепенно и неуклонно усиливалась, но к концу июля к жаре присоединился еще и ветер. Сильный, порывами, он гнал целые тучи пыли и мусора, но на дуновение это не было похоже. Скорее напоминало то, как открыть духовку, разогретую до максимума. Этот жуткий сухой покрывал всех пылью и песком, казалось, неся дуновение ада. И чем больше времени проходило, чем сильнее солнце жарило город и людей в нем, тем больше поговаривали о том, что это не совсем нормально. Это не просто жаркое лето.

Огромная плазменная панель, странно искажая формы, показывала новости. Кукушкин их ненавидел, но уж если по какой-то причине появлялся у телевизора во время новостного выпуска, то смотрел его до самого конца, до прогноза погоды. Война, конфликты, коррупция... Про другое не рассказывали. Сам писатель в драной заляпанной майке сидел за столом и щелкал пультом, переключая каналы, сам не зная, зачем. Надо же. Самый большой и дорогой пакет каналов – а показывают все одно и то же. Остановившись на том же новостном канале, какой и был, Кукушкин бросил пульт на стол и потянулся за сигаретами, но в последний момент отдернул руку от пачки, остановив себя. На экране появилась картинка огромного пожара. Где-то за рубежом воинствующие фанатики подожгли какое-то правительственное здание. Исчезает символ государственности и порядка. А может, не исчезает? Разве не перестало это здание быть символом порядка, раз его сжигают? Может быть, как раз сожжение его – есть новый символ?

Картинка сменилась, начались анонсы всяких фильмов и сериалов. Что-то про маньяков, про полицейских и женщин-патологоанатомов. Другие фильмы уже давно не снимали.

Пошла реклама. Счастливые дети со счастливыми родителями играют в парке, попивая какой-то витаминизированный напиток. Вы еще таких поищите. В лучшем случае, родители будут сидеть на парковой скамейке и яростно тыкать в свои планшеты, пока дети бегают вокруг. А обычно вся семейка тычет в гаджеты. Каждый член семьи – в свой. В общем, проводят вместе время.

Кукушкин, не мигая, смотрел в экран, и в голове его роились мысли. Он вспомнил, как прошлой весной вот так же сидел на кухне перед телевизором...

...Та весна была мерзкая. Морозы стояли такие, что, казалось, за окном январь. А ведь был конец марта. И снег. Он шел каждый день, заваливая и заваливая дороги, крыши, машины. Солнца не было видно вот уже несколько недель, вместо него над городом висела бесконечная черно-серая пелена. В то утро его разбудил телефонный звонок. Телефон надрывался в кармане джинсов, которые Кукушкин накануне швырнул рядом со кроватью, перед тем, как лечь спать. Сначала он думал, что у звонившего скоро лопнет терпение, но звонки продолжались. Морщась от головной боли, Кукушкин вылез из-под одеяла и, ежась от холода, стал шарить в темноте по полу, ища штаны. Те не находились. Петр упорно не включал свет – так голова точно заболит еще сильнее. Телефон буквально резал мозг своими громкими трелями. Нако-

нец, пальцы наткнулись на джинсы, но прошла чуть не минута, пока Кукушкин смог найти нужный карман и вытащить гаджет наружу.

-Да?

Э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.